

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Ужастик как жанр современного медиадискурса (Horror as a genre of modern media discourse)

Титаренко Илья Денисович

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт "Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербург, Россия

E-mail: titarenko.03.03@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблемам презентации жанра «ужастик» на современном российском радио. С точки зрения автора статьи, актуализация этого жанра способствовала появлению специальных подкастов, интернет-жанра Крипи-паста, возрождению популярности радиопостановок и радиоспектаклей на основе литературных произведений мастеров хоррора.

Ключевые слова: ужастик, жанр, фольклор, радиожурналистика, подкаст, популярность, радиопостановка.

Abstract: The article is devoted to the problems of the presentation of the horror genre on modern Russian radio. From the point of view of the author of the article, the actualization of this genre contributed to the emergence of special podcasts, the Internet genre of Creep Paste, the revival of the popularity of radio dramas and radio performances based on the literary works of horror masters.

Keywords: horror, genre, folklore, radio journalism, podcast, popularity, radio drama.

Актуальность нашего исследования проясняется в контексте дискуссии о состоянии современного радио. Суть этой дискуссии в конфликтных оценочных высказываниях, с одной стороны, ученых, с другой, профессионалов-радийщиков. В течение двух последних десятилетий в научном дискурсе в качестве аксиоматичного воспринималось утверждение о превращении радио в маловостребованный информационный канал. Однако в 2022 году в интервью ТАСС директор «Русской Медиагруппы» Дмитрий Медников утверждал, что возрастает активность адресата, потребление радиоконтента неуклонно увеличивается, при этом очевидно изменяется его жанровый состав#_ftn1.

К новым явлениям в жанровом составе радиодискурса можно отнести феномен КрипиПасты. Так называют выдуманные страшные интернет-истории, повествующие о мистическом мире, который вторгается в привычную реальность. Помимо этого, сегодня актуализируется озвучка страшных рассказов в формате подкаст и видео на YouTube. Стали популярны обзоры старых «пугающих» советских мультфильмов («Потец», «Моя жена – курица»), обзоры так называемых подразделений КрипиПасты - псевдо-взломы на телевидении (канал «GAZ»).

Наша цель - выявление особенностей презентации в радиийном формате всех этих разновидностей «ужастиков» как жанра современного детского фольклора.

Эмпирическая база нашего исследования - радиотрансляции *ужастиков* на официальном сайте РИА Новости, контент «страшных» подкастов «Мрачных сказках», «У Холмов Есть Подкаст», «Страшные? истории», «Социология стрема», «Сны» и «Я боюсь», «Какая-то мистика» на Яндекс.Музыке.

Установочный формат жанра «ужастик» был описан филологами еще в 1970-х годах. Ученые предложили для пугающих детских историй - номинацию «страшилки» (О.Н. Гречина и М.В. Осорина). К жанровым характеристикам были отнесены - уникальный

нарратив и оригинальные персонажные ряды. Ужастик - жанр детского фольклора, не подразумевающий поучение/ назидание, в отличие от сказки, которая в иносказательной форме описывает часто вполне реальные, исторические события и предостерегает слушателя от невнимательности, непослушания, самодурства и т.п. Среди героев *страшилок* - Черная простыня, Красная Рука, Гроб на колесиках. Революционным отличием *ужастика* от сказки становится функция главного героя: в первом случае он сталкивается с испытанием, а во втором - испытание, ужас и есть сам персонаж.

Изучая творчество классиков А.С. Макаренко, А.Л. Пантелеева, Л.А. Кассиля, Н.Н. Сакур, Л.С. Петрушевской, В.С. Маканина, специалисты выявили определенное влияние литературных сюжетов на произведения, созданные детьми (Т.В. Зуева, С.М. Лойтер, К.А. Рублева, О.Ю. Трыкова). Первые результаты попыток научного описания интересующего нас жанра - «Жуткий детский фольклор», вышедший в 1992 году в издательстве «Росмэн». Авторы этого издания считают феноменальными характеристиками жанра: пародийность, использование оборотов детской речи, упрощенный синтаксис и многочисленные лексические повторы [Русский детский фольклор 2002] .

В основе наших теоретических представлений об «ужастиках» - типология, предложенная известными детскими писателями Э. Успенским и А. Усачевым в книге «Самые страшные ужасы» (первое издание в виде трехтомника датируется 2001 годом). Эдуард Успенский, Андрей Усачев — первые популярные писатели, которые обратились к жанру советского страшного фольклора. В 1986 году в радиопередаче «Пионерская зорька» Успенский просит школьников прислать страшные рассказы. На основе этого материала он создает повести «Красная рука, Черная простыня, Зеленые пальцы» в журнале «Пионер» № 2, 3, 4 за 1990 год с подзаголовком «страшные повести для бесстрашных школьников». [Современный детский фольклор, и его взаимодействие с художественной литературой 1997].

Техника создания текста напоминает о романах Юлиана Семенова о Штирлице и популярных рассказах о майоре Пронине. Авторы выделяют несколько разновидностей этого типа пародий: «Традиционные жуткие истории», «Нетрадиционные жуткие истории», «Олитературенный фольклор», «Современные жуткие истории», «Прикладные истории, игры, предрассудки, легенды» и «Страшные анекдоты». Традиционные *ужастики* содержат несколько примитивных сюжетов: нарушение запрета, присваивание чужого, похищение человека и «вызов» существа [Успенский, Усачев 2001].

Мы прослушали/просмотрели несколько радиотрансляций произведений данного жанра. В частности, это подкасты «Дневники Лоры Палны» и «Страхи». С нашей точки зрения, интерес определенного сегмента современной радиийной аудитории в какой-то форме определяется историческим советским хроном: события советской истории, атрибуты и интерьеры. Чаще всего *страшилки* отсылают к 1930-м годам: гроб на колесиках коррелирует с черными «воронком» или «Марусей». Также мы готовы согласиться с А. Усачевым, который подчеркивал, что *ужастики* транслируют культурный код эпохи «застоя», используя систему номинаций, создающих определенные пространственные и цветовые ассоциации: желтые и черные шторы, белые простыни, зеленые и черные пластинки, статуэтки пионерок, редкие для женщин того времени длинные черные перчатки, желтые ленты иностранного производства. Наиболее частотные персонажи различаются по цвету: Красная и Черная Рука, черный Гроб на колесиках. Черный цвет фигурирует в текстах чаще всего и становится символом устрашающей, неизвестной и невидимой глазу силы, которая предвещает или несет только зло. Традиция доминирования черного цвета предположительно связана с детской игрой начала XX века «Папа Римский умер» [Алпатов 2021], которая, в свою очередь, отсылает к «Вию» Н.В. Гоголя. По сути, сюжеты «ужастиков» показывают, как в детском воображении смешивались обряды, традиции, ли-

тературный фольклор, наблюдения за взрослыми. Например, в рассказах о Пиковой Даме (русская версия американской Кровавой Мэри) почти каждая жертва умирает от страха. Как и Хома Брут, персонажи рассказов, вызывающие Пиковую Даму в трех «известных» историях, связываются с чертовщиной.

Стоит отметить, особый способ обыгрывания в *ужастиках* сакральных символов советской эпохи. Например, священный для советских людей символ матери - «Родина мать» Е.В. Вучетича в Волгограде и плакат времен Великой Отечественной войны «Родина-мать зовет!» И.М. Тоидзе. В «Кукле в черном платье» обнаруживается типичная для СССР история о вражеских игрушках. На них написано ССД («Смерть Советским Детям») - они перекачивают кровь для американских солдат во имя продолжения войны со Вьетнамом. Одна из наиболее популярных историй данной жанровой принадлежности, на наш взгляд, «Желтый пакет». Мотивы плачущей над детьми женщины однозначно напоминают христологические истории об Ангелах-хранителях и самой Деве Марии. В «Заколдованном пальце» заражают людей инфекцией. Это напоминает теорию заговора об иглах со СПИДом в 90-ые годы.

Также есть и переложения известных произведений зарубежной литературы: «Знамение» Дэвида Зельцера, «Маска Красной Смерти» Эдгара Алана По, истории о Суини Тодде Хью Виллера или «одной страшной негритянской истории про Золотую руку» Марка Твена. Ярko выделена в некоторых рассказах традиция готических романов «Дракула» Брэма Стокера и «Франкенштейн» Мэри Шелли. Страшилка «Реквием» отражает реальную историю В.Г.А. Моцарта.

Многие страшилки перекликаются с легендарными случаями. Так, Э. Успенский уверял, что рассказ «Пирожки» буквально списан с настоящего уголовного дела, называет имя мамы девочки, чьи пальцы оказались в пирожках - Наталья Николаевна. Вспоминается советская байка о бочке кваса, на дне которой нашли мужчину, и видеосюжет Александра Невзорова «Повар», где интеллигентный ленинградец Игорек варил борщ из живота собутыльника.

Почему именно эти истории активно транслируются на современном радио? С нашей точки зрения, есть две причины:

- каждая из них обладает высокой степенью театральности, которая может быть реализована именно на радио (совсем не случайно создатели антологии «ужастиков» обращают внимания на требования к исполнительскому мастерству автора-рассказчика - «Эту историю надо рассказывать ночью тихим и спокойным тоном, а когда дойдете до слов скелета, надо закричать. И тогда все от неожиданности вздрогнут» [Успенский, Усачев, 2018: 168]).

- *ужастик* удовлетворяет те потребности массовой аудитории, которые были активированы, например, бесчисленными хоррор-романами С. Кинга, многочисленными современными широко пропагандируемыми печатными романными «страшилками» типа сочинений Д. Стоун, Р.Л. Стайна, Э. Веркина, Л. Артамоновой, М. Елизарова.

Почему этот жанр, достаточно полно представленный в антологиях, с нашей точки зрения, нуждается в научном осмыслении? И в каком направлении, с учетом каких обстоятельств и характеристик может формироваться научное описание презентации жанра на радио?

- 1) Думается, что опубликованный в антологии материал и другие звучащие на современном радио «ужастики» дают возможность размышлять над вопросом о принципах жанровой модернизации радиодискурса, о тех форматах, которые повлияли на эту модернизацию. Что влечет за собой легализация фольклорного жанра, который в советскую эпоху воспринимался как низкий? При ответе на этот вопрос должна

быть учтена точка зрения филологов, историков, детских психологов и специалистов по медиалогии.

- 2) Видимо, жанр *ужастика* отчасти свидетельствует о поступательности развития массовой культуры в том направлении, которое сегодня вызывает жалобы педагогов и родителей на жестокость и цинизм современной агрессивной публичной коммуникации. Эта проблема также ждет исследователей.
- 3) В советское время формы такого фольклорного жанра, как *ужастик* однозначно считали проявлением обывательской деградации. Однако благодаря передаче “Пионерская зорька”, которая транслировала *ужастики* в литературной обработке Э.Успенского и А.Усачева сохранился важный исторический документ, жанр был модернизирован, а в модернизированном виде приобрел новых почитателей.
- 4) Но, с другой стороны, презентация этого жанра именно на радио говорит о стабилизации классических требований к радиосюжетам, основным из которых являются возможности их театрализации, реализуемые только высоким профессионалом речи. Хотя упреком может стать примитивизм сюжетов и стереотипизация речевой формы “жанра”

#_ftnref1 Эксперт рассказал, что россияне стали больше слушать радио в 2022 году (ТАСС, новости) - URL: <https://tass.ru/obschestvo/16492001>://tass.ru/obschestvo/16492001. (Дата обращения: 3.12.2022).

Источники и литература

- 1) Успенский Э.Н., Усачев А.А. Большая книга ужастиков. М.: АСТ, 2018, 224 с.
- 2) Трыкова О.Ю. Современный детский фольклор и его взаимодействие с художественной литературой. М., 1997, 132 с.
- 3) Плешкова О. И., В.В. Десятов. Советское искусство для детей и постмодернизм (о творчестве Э. Успенского). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 22-44.
- 4) Алпатов С.В. «ПАПА РИМСКИЙ УМЕР»: игровой сюжет и словесная формула в детском фольклоре / Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. С. 21-29.
- 5) Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 320 с.